

интересный рассказ об освобождении Буды в 1686 г. Автор «описания» заявляет: «и если бы препона войск польских толикому множеству не-исчетных воинов татарских не учинена была, никогда Будин в руки немцов и венгров не пришел. Паче же бы той неволи турской, которую Будин 160 лет терпел, не должно дождалась и Вена, если б наяснейший Ян третий, король польский с охотчими войсками своими, дивною скоростию собранными, в помочь Вене уже в лете 1683 умирающе не прибежал».

Наличие прямого указания на заслуги Яна III перед христианством подтверждает предположение о том, что «Повесть об астрологе» воспринималась на фоне исторических событий, связанных с победой Яна Собеского под Веной.

«Повесть» была близка русскому переводчику и в жанровом отношении. Она примыкает к ряду оригинальных произведений русской письменности XV—XVII вв. «Повесть об астрологе» перекликается с таким известным произведением древнерусской литературы, как «Повесть о двух посольствах», заключающим в себе пророчество императора Максимилиана. В пророчестве Максимилиана говорится именно о том времени, которое наступит после десятилетнего «смятения» и «трясения» Русской земли. Элемент пророчества, предугадания, наличествующий в «Повести об астрологе», был, как нам кажется, другим фактором, способствующим появлению перевода повести.

XVII век известен тем, что внимание к астрологии было всеобщим явлением. И это предположение может быть подтверждено окружением повести в сборниках.

В сборнике Арх. С. наряду с «Повестью об астрологе» находится «Календарь течений небесных на лето господне 1689» — перевод с польского языка выполнен переводчиком Посольского приказа Семеном Лаврецким. На л. 23 этого календаря читаем: «Понеже турчин собачьим обычаем одержал государства лежащие под бараном и быком, небо грозит ему голодом, войною, поветрием . . ., убиение салтана их обещает», и на л. 24:

Лев желтый в черном поле ожидает собаки.
Лев желтый в черном поле — Австрия
Собака — турской.

Календарь, как видим, содержит политическое пророчество, а политические пророчества, как правило, писались *post factum*. Фраза «Лев желтый в черном поле ожидает собаки» могла восприниматься как отголосок недавнего сражения Турции и Австрии у стен Вены.

В Дружининском сборнике наряду с «Повестью об астрологе» находится «Толк литер переведен на славенский». Это — не что иное как «Пророчество, найденное на камне гроба императора Константина Великого». Следовательно, «Повесть об астрологе» дается в системе подобных по жанру и тематике произведений.

Несомненно, именно острая злободневность темы и особая форма ее передачи в виде политического пророчества, имевшая параллели в русской литературе, способствовали появлению перевода «Повести об астрологе». Подводя итоги, можно сказать, что перевод повести был сделан скорее всего в конце 70-х годов XVII столетия в связи с улучшением польско-русских отношений, в связи с угрозой турецкой агрессии.

Неясен еще вопрос о том, кто является переводчиком «Повести об астрологе». Более или менее известен круг читателей повести. На первом листе Архангельского сборника сохранилась очень любопытная запись,